

Иван Панаев

Барыня

Иван Панаев

Барыня

«Public Domain»

1841

Панаев И. И.

Барыня / И. И. Панаев — «Public Domain», 1841

«Слово „барыня“ принадлежит исключительно только русскому языку. Это слово невозможно перевести ни на какой другой язык. У нас два главные класса мелких барынь: барыни столичные и провинциальные. Как два величественные древа (говоря возвышенным слогом), роскошно разветвившиеся, красуются они в беспредельном царстве Русском. Столичные барыни разделяются на московских и петербургских...»

Содержание

* * *	5
Конец ознакомительного фрагмента.	10

Иван Иванович Панаев

Барыня

*Ай, барыня, барыня,
Сударыня-барыня...
Лакейская песня*

* * *

Слово «барыня» принадлежит исключительно только русскому языку. Это слово невозможно перевести ни на какой другой язык.

У нас два главные класса мелких барынь: барыни столичные и провинциальные. Как два величественные древа (говоря возвышенным слогом), роскошно разветвившиеся, красуются они в беспредельном царстве Русском. Столичные барыни разделяются на московских и петербургских. Москва – храм настоящего барства. Московские барыни отличаются хлебо-сольством, благотворительностью, чувством национальной гордости и безобразием экипажей. Они живут среди великолепных воспоминаний и благоговейно вдыхают в себя пыль прошедшего, окружив себя в настоящем москьями и воспитанницами – москьями, которых они кормят и ласкают; воспитанницами, которых кормят и попрекают кормом. Они доживают свой век, раскладывая гранпасьянс и рассказывая о своих благодеяниях. Петербург – источник барства мелкого, чиновного. В петербургских барынях оригинального мало. Они с утра до ночи бредят княгинями и графинями, которых встречают на гуляньях и на балах Дворянского собрания. Они помешаны на светскости, о которой не имеют ни малейшего понятия. Они задают балки и вечеринки, оканчивающиеся прескверными ужинами. Все они говорят пронзительно и имеют резкие манеры. У всех у них грязные передние, дочери – невесты, сыновья – чиновники или офицеры, кареты и коляски, запряженные еле движущимися четвернями; за каретами лакеи в заштопанных ливреях с фантастическими гербами и с засаленными аксельбантами, и по несколько сот душ крестьян, заложенных в заемном банке или в Опекунском совете с надбавочными. Провинциальные барыни разделяются на деревенских, уездных и губернских. Об них надобно говорить или много, или ничего. Об них когда-нибудь после.

С той поры, когда дочери-барышни выходят замуж, – они получают название молодых барынь, а маменьки их – старых барынь.

Старые барыни – представительницы отживающего поколения барынь. Молодые барыни – представительницы нового поколения барынь. Между отцветшим и цветущим поколением разница не слишком резкая, однако шаг вперед сделан. Вместе с бельем и платьем в приданое дочек поступают обыкновенно лакеи и девки. Прислуга старых барынь начинает искоса смотреть на прислугу молодых барынь. Отсюда начало размолвок между этими двумя поколениями.

Вообще барыни начинают формироваться около тридцати лет. С минуты брака до тридцатилетнего возраста они в состоянии переходном: в этот промежуток времени привычки барышни борются с возникающими привычками барыни. К тридцати годам самостоятельное чувство барыни побораёт некоторые сентиментальные наклонности и простодушные понятия барышни.

Все барыни в России относятся друг к другу в следующем порядке:

Московская барыня выступает впереди и кричит во все горло, что «Москва сердце России», что «в Москве Иван Великий и царь-пушка». Петербургская смотрит на нее насмешливо, говорит «Сэ дроль, способу нет, какая провинциалка!» – и порывается столкнуть ее с первого места. Обе они, как «столичные штучки», взирают с снисходительною гримасою на губернскую

барыню. Губернская созерцает с умилением московскую и в особенности петербургскую, едва удостоивая своего покровительства уездную или мелкопоместную, которая с должным смирением кланяется ей в пояс, – и между тем искоса бросает спесивые взгляды на стоящую поодаль разряженную и раздумянную купчиху с черными зубами, ворча с негодованием: «Извольте видеть, как разодета! будто барыня какая!»

Моя героиня – барыня петербургская. С ней я был коротко знаком и за достоверность ее истории могу поручиться.

Она родилась в 1783 году, за четыре года до получения отцом ее, при отставке, бригадирского чина, и наречена в св. крещении Палагеей. Известно, что бригадирский чин был у нас в те блаженные годы вершиною честолюбия, как теперь, например, генеральский чин, но не в том дело, обратимся к моей героине.

Бригадир прохаживается по комнате в пудремантеле и в гусарских сапожках без кисточек. Он поправляет кошелек косы своей и улыбаясь смотрит на дочь, которая кричит и бежит вокруг него.

– Догоню, догоню, Палаша!

Бригадир топает ногами, отчего пудра сыплется на его лицо; потом он берет Палашу на руки, целует ее и сажает к себе на колени.

– Ну, а известно ли тебе, Палаша, – спрашивает он у четырехлетней дочери, – известно ли тебе, сколько у тебя душ крестьян? что?.. не знаешь, дурочка? Триста чистоганом, незаложенных!.. Смешно? Гм! Смейся! Это называется невеста, это не то, чтобы... Бригадирская дочь, и триста душ! Куш значительный, канальство! У матери твоей, я тебе скажу, и половины этого не имелось, когда она вышла за меня замуж.

– Однако покойница маменька (вечная ей память) всегда жила барыней, – возражает бригадирша, – уж про это нельзя сказать. Бывало, кто к ней ни придет, сейчас говорит: вы, Елена Ивановна, настоящая барыня. И, правду сказать, она любила показать себя: у нее одной дворни было тридцать человек, – и я, благодарю моего бога, не знаю, стоила или не стоила, но счастлива была на женихов. Все девицы завидовали мне: и коллежских, и надворных, и премьер-майоров много сваталось за меня.

– Знаю, знаю, – перебивает бригадир с самодовольствием, – ну, а ты предпочла меня всем им, хоть я был тогда еще и не бог знает какая штука? Девицы дуры, Матрена Ивановна; им лишь бы смазливое личико, а там до этого до всего (бригадир водит рукою по груди) и до чинов им дела нет. Впрочем, тебе и на этот счет, полагаю, нечего теперь раскаиваться.

Бригадир самодовольно улыбается и, смотрясь в зеркало, одною рукою держит Палашу, а другою очищает со лба пудру тупым серебряным ножичком.

– Что грех на душу брать, Петр Максимыч, лгать не для чего: ты чина теперь немало, живем мы душа в душу. Чего же больше! Одно горе – деток много померло; зато вот господь послал нам утешение – нашу Палашеньку. – Бригадирша вздыхает. – Дал бы бог только на своих глазах пристроить ее за хорошего, солидного человека.

– Пристроится, пристроится, не заботься! С хорошим приданым в девках не засидится... Что, Палаша, правду я говорю?

– Да-с.

– К тому же она у нас родилась в сорочке... Что ни говори, Матреша, – она не по годам умна. Ведь теперь уж смекает, что бригадирская дочка и наследница села Брылина, – покорно прошу!.. Палаша, посмотри-ка, кто идет.

– Бабушка.

– Да, баловница твоя. Небось весело?

Дверь открывается медленно и торжественно. Входит старушка, опираясь на высокую камышовую трость. Старушка в атласном капоте брусничного цвета с талиею под мышками,

в башмаках с высокими каблуками и с зонтиком на глазах. Старушка останавливается среди комнаты, кладет руки на золотой набалдашник своей трости и ворчит, качая головой:

– Не умеете обращаться с ребенком... Спусти ее с колен, Петруша.

Бригадир повинуется.

– Как можно так близко держать дитя к лицу? пудра, сохрани бог, засорит ей глазки... Ох-ох! сами-то вы еще дети... Палашенька, поди ко мне. Хочешь гостинцу, милочка?

И старушка вынимает из бесконечного кармана, устроенного в ее капоте, изюм и сахарные булки.

Бабушка сама воспитывает Палашу. Она кормит ее с утра до вечера и беспрестанно повторяет:

– Ну что, голубчик мой, сыта ли ты? не хочешь ли еще чего-нибудь, дружок? Мать небось об тебе не позаботится. С голоду готовы уморить ребенка!

Когда дитя рвет листы в Адрес-календаре папенькином и когда няня отнимает у нее книгу, бабушка вскрикивает на няню с гневом:

– Что ты, дура! не отнимай у нее книжку, пусть ее, голубчик мой, забавляется; ребенок дороже книжки!..

Палаше семь лет. Бабушка в день рожденья внучки дарит ей куклу, а Петр Максимыч берет ее за щеку и говорит:

– А я тебе скоро сделаю подарочек... так, подарочек... угадай какой? Что не угадала? азбуку с картинками, дурочка. Хочешь учиться?

– Что это ты, Петенька, с ума сошел: ребенка за щеку берет! у нее кожа детская, нежная, как раз сыпь сделается. Что это за ласки, – помилуй, скажи?

– Ведь я, маменька, чуть дотронулся до нее, – замечает бригадир... Он обращается к Палаше: – Хочешь учиться, Палаша?

– Что это ты, сударь, такое говоришь? я не расслышу. – Бабушка прикладывает руку к уху.

– Я говорю, маменька, что ей пора и за азбуку сесть.

– За азбуку? это что еще ты выдумал? Слыхано ли дело, этакое ребенка за книгу сажать! Успеет и наукам вашим выучиться; время еще не ушло.

– Ей семь лет, маменька. Она побаловалась уж довольно.

– Семь? Присчитывай, батюшка! Всего шесть. Что такое, в самом деле? Она, слава богу, не мещанка, – дворянской фамилии; она и теперь смотрит как княжеское дитя; приданое будет, мать хозяйству научит. Чего же еще? Не с неба звезды ей хватать! Не в мадамы вы ее прочите! Я, можно сказать, всеми была уважаема и любима, а век свой прожила без книг ваших.

Впрочем, через полгода Палашу сажают за азбуку, а на стол перед ней кладут прут.

– Будешь хорошо учиться, – говорит ей Матрена Ивановна, – гостинцу дам, а если нет – розгу. Ну, начнем, благословясь.

Учебные занятия Палаша, к величайшему ее удовольствию, всякий раз прерываются бабушкой.

– Не довольно ли ребенку-то учиться? – говорит она своей невестке, – вы ее совсем замуχετε.

– Я ее только сию минуту посадила за книги, маменька.

– Эх, у вас больно что-то долги минуты! – Бабушка поводит носом по комнате. – И здесь сыростью, кажется, пахнет. Она этак, того гляди, занемочь может. Пусть ее, моя душечка, побегает по солнышку...

Проходит два года. В доме смолкает стук каблуков бабушкиных. Старушка лежит на возвышении, покрытая парчовым покровом; голос осипшего дьячка раздается в головах ее. «Бабушка умерла», – говорят Палаше. Палаша думает, что ее некому будет так часто кормить сладостями, и горько плачет; но любопытство скоро пересиливает ее горесть. Она смотрит: около катафалка посыпают ельник, съезжаются гости, суетятся лакеи и девки. Маменька Палаша

взвизгивает и падает на ступеньки катафалка; барыни стонут и бросаются к ней; папенька всхлипывает. Все подходят к бабушке и целуют ее; няня поднимает Палашу и также подносит ее к бабушке. Палаша опять плачет, няня твердит ей: «Нишкни, голубушка; нишкни, мое сердце», – и сама заливается. Стон, визг и крик. Гробовщик прилаживает крышку гроба.

Бабушку увезли, ельник из столовой вымели, катафалк убрали; на месте катафалка – стол для гостей; на нем конфеты и ягоды. Маменька и папенька и гости возвращаются. Маменька уж не стонет: она бегаёт на кухню отведывать кушанья; папенька уж не всхлипывает: он пробует вина. Все садятся за стол, все кушают с аппетитом, пьют с чувством. Блюдам конца нет.

Две недели после этого Палаша наслаждается полной свободой. Маменька не учит ее, «оттого что, – говорит она, – надо оправиться мне от тяжкой потери; тошнехонько! ничто на ум нейдет; словно, как на сердце камень». Няня, после похоронного стола, всякий день опохмеляется, по ее словам – «с горя». Пользуясь такими обстоятельствами, дитя с утра до вечера бегаёт на дворе с замасленными и оборванными крепостными девчонками.

Через две недели, в одно утро Палаша в комнате у маменьки. Вдруг является человек высочайшего роста, облеченный в длиннейший сюртук. Этого странного человека называют семинаристом.

Матрена Ивановна говорит семинаристу:

– У меня до тебя покорнейшая просьба, мой милый, касательно моей дочери: она уж, видишь, девчоночка-то на поре, – время бы за нее, этак, серьезно приняться... Здесь, может быть, кстати заметить, что воспитание барышни пятьдесят лет назад тому было несравненно проще, чем теперь. Основы тогдашнего воспитания барышни были: русская грамота и домашнее хозяйство. Основы воспитания барышни нашего времени: французский язык, фортепьяно и танцы. Высшая похвала для тогдашней барышни заключалась в следующих словах: «Да какая она, сударь, я вам скажу, хозяйка!» Высшая похвала для барышни нашего времени заключается в следующей фразе: «Как славно она говорит, мон-шер, по-французски и как хорошо держится, чудо что за турнюра, – отлично воспитана!..»

– Читает-то она прытко, – продолжает Матрена Ивановна, – да ты сам знаешь, что ей уж и за письмо надо приняться, ну а у меня почерк-то бабий, да и учена-то я без затей, на медные деньги.

Семинарист – учитель Палаша. Он ходит два раза в неделю: один раз он учит Палашу чистописанию, а другой – грамматике и священной истории.

Успехи Палаша превосходят ожидания родителей.

Петр Максимыч в восторге.

– Ай да пузырь мой! – говорит он, глядя дочь по голове... – Признаюсь, Матреша, этого я никак не мог ожидать от нее; никак!.. А каков наш семинарист! Молодец, право, нечего сказать!

– Знаешь ли, Петр Максимыч, сестрица Арина Куприяновна берется учить ее по – французскому и на фортепьяне и арифметике.

– Хорошо. Почему ж... пусть учится. Мы с тобой, правду сказать, Матреша, обошлись и без французского диалекта, но коли у девочки есть охота к ученью, – я не прочь.

Три часа в день назначаются Палаше на уроки; остальное время она или с куклами, или с приставленными к ней для забавы девчонками, или играет с маменькой в дурачки и в свои козыри. Палаша любит слушать, когда маменька рассуждает с гостями о людских недостатках вообще и о недостатках своих приятельниц в особенности. Палаша переимчива: маменька ссорится с своими знакомыми и родственницами, – она ссорится с своими куклами; маменька бранит своих лакеев и девок, – она бранит своих девчонок. А время идет, а воспитание Палаша близится к концу. Палаша уже стыдится играть в куклы. Ее стан вытягивается, ее формы круглеют, ее понятия расширяются. Она уже пишет четко, хоть не совсем правильно, делает два первые правила арифметики, кое-как разбирает французские книги; под руководством тетеньки Арины Куприяновны танцует экосез и матрадур и поет с аккомпанементом:

Стонет сизый голубочек...
и проч.
или
Не свети ты, месяц, ясно,
И не мучь мой дух тоской,
Вспоминая мне всечасно,
Что любезной нет со мной...
Но всего лучше ей нравится песенка:
Всего богатства мира
На что, на что вы мне, –
Когда со мной Темира
И с нею мы одне?

Она чаще всего поет ее – и грудь ее при этих словах колыхнется, и порой волнение овладевает ею при томных звуках нежной песенки.

Палаше восемнадцать лет!

Палаша читает «Яшеньку и Жеоржету, или Приключение двух младенцев, обитающих на горе», «Таинства Удольфские» и «Эстеллу, пастушеский роман». Все эти книги найдены ею случайно в кладовой за ларем с мукою. Она, впрочем, не находит удовольствия ни в чувствительности Флориана и Дюкре-Дюмениля, ни в ужасах Радклиф. Ей приятней сидеть под окном и смотреть на статных офицеров, которые, посвистывая, проходят или проезжают мимо ее по улице. Шесть лет просиживает Палаша у окна. Сколько обманутых ожиданий! сколько тревог напрасных! сколько даром потраченного олова и воску на святках!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.